

Жюль Верн

ВОКРУГ СВЕТА ЗА 80 ДНЕЙ

Иллюстрации
Владимира Канивца

Жюль Габриэль Верн
Вокруг света за 80 дней
Серия «Золотая полка
мировой литературы»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74102602
Вокруг света за 80 дней: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-249274-7*

Аннотация

Знаменитый приключенческий роман французского писателя Жюль Верна о необыкновенном путешествии вокруг земного шара. Выдержка, знания и точный расчёт помогут героям в самых непредвиденных и опасных ситуациях. А главной наградой победителю станет... любовь!

Классический перевод с французского Е. и И. Леонтьевых.
Стильные иллюстрации В. Канивца.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Паспарту становится слугой Филеаса Фогга	7
ГЛАВА ВТОРАЯ, где Паспарту убеждается, что нашёл наконец свой идеал	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, где начинается разговор, который может дорого стоить Филеасу Фоггу	21
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, в которой Филеас Фогг удивляет своего слугу Паспарту	31
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой на Лондонской бирже появляется новая ценность	38
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой агент Фикс проявляет вполне законное нетерпение	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Жюль Верн

Вокруг света за 80 дней

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Паспарту становится службой Филеаса Фогга

В 1872 году в доме № 7 на Севил-роу в Бирмингтон Гарденс жил эсквайр Филеас Фогг – один из самых оригинальных и замечательных членов лондонского Реформ-клуба, загадочная личность, о которой никто ничего не знал, кроме того, что это в высшей степени порядочный человек и один из красивейших джентльменов высшего английского общества.

Англичанин в истинном смысле этого слова, Филеас Фогг, по-видимому, не был уроженцем Лондона. Его никогда не видели ни на бирже, ни в банке, ни в одной из контор Сити. Ни в лондонскую гавань, ни в доки никогда не входило судно, принадлежащее Филеасу Фоггу. Джентльмен этот не служил ни в одном правительственном учреждении. Не был он ни промышленником, ни негоциантом, ни купцом, ни земледельцем. Наконец, он не состоял ни в одном из многочисленных обществ, которыми наводнена столица Англии, начиная с Музыкального и кончая Энтомологическим.

Филеас Фогг был членом Реформ-клуба – вот и всё.

В ряды столь почтенного общества он был избран по рекомендации братьев Беринг, у которых ему был открыт кре-

дит, и репутация мистера Фогга была основана на том, что его чеки при предъявлении неизменно оплачивались с его текущего счёта.

Был ли богат этот Филеас Фогг? Несомненно, но как он достиг своего богатства, не могли сказать даже наиболее осведомлённые люди. Он не был расточителен, но не был и скупцом, ибо везде, где не хватало средств для какого-нибудь благородного или полезного дела, он молча и даже анонимно давал эти средства.

Трудно представить человека менее общительного, чем этот джентльмен! Он старался говорить как можно меньше и благодаря своей молчаливости казался таинственным – между тем жизнь его протекала на виду у всех.

Путешествовал ли он? Это было вполне вероятно, потому что никто лучше него не был знаком с картой всего света. Он как будто специально изучил каждый, даже самый отдалённый уголок. Казалось, он обладал даром предвидения, поскольку его гипотезы относительно заблудившихся или пропавших без вести путешественников неизменно подтверждались впоследствии. Это был человек, который путешествовал всюду, – по крайней мере, мысленно.

Во всяком случае, было достоверно известно, что Филеас Фогг не покидал Лондона в течение долгих лет. Те, кто имел честь знать его несколько ближе, чем другие люди, утверждали, что, кроме прямой дороги, по которой он ходил из дома в клуб, его никогда нигде не встречали. Единственными его

занятиями были чтение газет и игра в вист. Он часто выигрывал в этой молчаливой игре, так хорошо подходившей к его натуре, но играл, очевидно, для того, чтобы играть, а не для выигрыша. Игра была для него борьбой с препятствиями, но борьбой без движения, без перемещения, без усталости, и это вполне гармонировало с его характером.

У Филеаса Фогга не было ни жены, ни детей – это возможно и среди самых порядочных людей. Но не было у него также ни родных, ни друзей, а это уже явление гораздо более редкое. Филеас Фогг жил один в своём доме на Севил-роу, куда никто не имел доступа. Для услуг ему было достаточно одного слуги. Он завтракал и обедал в клубе в точно определённые часы, в одном и том же зале, за одним и тем же столом, не угощал никого из своих коллег по клубу и не приглашал никого из посторонних. Возвращался он домой только для того, чтобы лечь спать, – ровно в полночь. Прогуливался он неизменно ровным шагом либо в холле Реформ-клуба с мозаичным паркетом замысловатого рисунка, либо в круглой галерее, увенчанной куполом из голубого стекла, который поддерживали двадцать ионических колонн из красного порфира¹. На обед и на завтрак кухни, кладовые, буфеты, рыбные садки и молочные клубы предоставляли ему свои обильные запасы; клубные лакеи – величественные молчаливые фигуры в чёрном, в башмаках на мягкой войлочной подошве – подавали ему кушанья на особом фарфоре и на

¹ Порфир – твёрдая горная порода, близкая к граниту.

изумительных саксонских скатертях; его херес, портвейн и кларет, приправленные корицей и другими пряностями, наливались в хрустальные бокалы специальной формы; наконец, для поддержания напитков в охлаждённом состоянии использовался лёд, с огромными издержками доставляемый в клуб прямо с американских озёр.

Если жить в таких условиях значит быть эксцентричным, то следует признать, что эксцентричность имеет свои хорошие стороны.

Дом на Севил-роу не был роскошным, но отличался изысканным комфортом. Впрочем, благодаря постоянству привычек его хозяина обязанности прислуги сводились к минимуму. Но зато Филеас Фогг требовал от своего единственного слуги необычайной точности и аккуратности. Как раз в этот день, 2 октября, Филеас Фогг уволил Джеймса Форстера, который провинился в том, что принёс ему для бритья воду, нагретую до восьмидесяти четырёх градусов по Фаренгейту² вместо восьмидесяти шести, и теперь ожидал его заместителя, который должен был явиться от одиннадцати часов до половины двенадцатого.

Филеас Фогг сидел прямо в своём кресле, сдвинув ноги вместе, как солдат на смотре, и положив руки на колени. Подняв голову, он следил за стрелкой часов, сложной машины, показывавшей часы, минуты, секунды, дни недели, числа, месяцы и год. Ровно в половине двенадцатого Филеас

² 28,89 градусов по Цельсию.

Фогг, согласно ежедневной привычке, покидал свой дом и отправлялся в Реформ-клуб.

Как раз в этот момент в дверь небольшой гостиной, где находился Филеас Фогг, постучали.

Вошёл уволенный Джеймс Форстер.

– Новый слуга, – доложил он.

Человек лет тридцати вошёл в комнату и поклонился.

– Вы француз и ваше имя Джон? – спросил его Филеас Фогг.

– Жан, с вашего позволения, – ответил новоприбывший, – Жан Паспарту. Это прозвище мне дали давно, и оно оправдывается моей природной способностью выпутываться из затруднительных положений³. Я считаю себя честным человеком, мосье, и, говоря по правде, перепробовал много профессий. Я был странствующим певцом, воздушным гимнастом в цирке, плясал на канате, работал преподавателем гимнастики, а в последнее время был сержантом пожарной команды в Париже. Я покинул Францию пять лет назад и, желая пожить оседлой жизнью, стал служить лакеем в Англии. Оставшись без места и узнав, что мосье Филеас Фогг – самый пунктуальный и спокойный человек во всём Соединённом Королевстве, я явился к вам, мосье, в надежде пожить спокойно и забыть наконец своё прозвище Паспарту...

– Паспарту, это мне нравится, – отвечал джентльмен. –

³ Игра слов. В буквальном переводе с французского «паспарту» означает «ходит везде».

Мне вас рекомендовали. Вы знаете мои условия?

– Да, мосье.

– Отлично. Который час на ваших часах?

– Двадцать две минуты двенадцатого, – ответил Паспарту, извлекая из недр своего кармана огромные серебряные часы.

– Ваши часы отстают, – заметил мистер Фогг.

– Вы меня простите, мосье, но это невозможно.

– Ваши часы отстают на четыре минуты. Но это всё равно, важно лишь установить разницу. Итак, начиная с этого момента, с одиннадцати часов двадцати девяти минут утра среды, 2 октября 1872 года, вы состоите у меня на службе.

С этими словами Филеас Фогг поднялся, взял левой рукой свою шляпу, автоматическим движением надел её на голову и, не прибавив более ни слова, исчез.

Паспарту услышал, как закрылась дверь на улицу: это вышел его новый хозяин; затем она хлопнула во второй раз: это ушёл его предшественник, Джеймс Форстер.

Паспарту остался один в доме на Севил-роу.

ГЛАВА ВТОРАЯ, где Паспарту убеждается, что нашёл наконец свой идеал

«Честное слово, – сказал себе немного ошеломлённый Паспарту, – я знаю у мадам Тюссо таких же живых субъектов, как мой новый хозяин!»⁴

В течение нескольких минут, пока Паспарту разговаривал с Филеасом Фоггом, он успел быстро, но очень внимательно разглядеть своего будущего господина. Это был человек лет сорока, с благородной осанкой, высокого роста, не лишённый некоторой приятной полноты, с красивым лицом, скорее бледным, чем румяным, с гладким лбом без признаков морщин, великолепными зубами и белокурыми волосами и бакенбардами. Спокойный, флегматичный, с ясным, неподвижным взглядом, он представлял собой образец типичного хладнокровного англичанина. При любых обстоятельствах этот джентльмен производил впечатление существа прекрасно уравновешенного во всех отношениях и принадлежал к числу тех математически точных людей, которые никогда не спешат, но всегда успевают и экономны в своих поступках и движениях. Он никогда не делал лишнего шага,

⁴ «Субъекты» мадам Тюссо – восковые фигуры из знаменитого музея, имеющие необыкновенное сходство с оригиналами.

всегда шёл кратчайшим путём. Никто никогда не видел его взволнованным или подавленным. Никто на свете не торопился меньше него, но он всегда приходил вовремя.

Что касается Жана по прозвищу Паспарту, настоящего парижанина, то, прожив пять лет в Англии и служа в Лондоне

лакеем, он тщетно искал себе хозяина, к которому мог бы привязаться.

Паспарту был добрый малый, кроткий и услужливый, с приятной физиономией, с немного пухлыми губами, всегда готовыми полакомиться или сказать ласковое слово, с одной из тех славных круглых голов, которую с удовольствием видишь на плечах друга. У него были голубые глаза, хороший цвет лица, достаточно толстого для того, чтобы он сам мог видеть ямочки на своих щеках, широкая грудь и могучая мускулатура. Он был высокого роста и обладал геркулесовской силой, великолепно развитой ещё в молодости постоянными упражнениями. Его тёмные волосы были немного непокорны.

После бродячей, как уже известно, молодости он жаждал покоя. Наслушавшись похвал методичности англичан и их вошедшему в поговорку хладнокровию, он отправился искать счастья в Англии. Но до сих пор судьба мало ему благоприятствовала. Он сменил уже десять домов, поскольку везде сталкивался с чудаками, искателями приключений или любителями путешествий. Всё это больше не подходило Паспарту. Узнав, что эсквайр Филеас Фогг ищет слугу, он собрал сведения об этом джентльмене и пришёл к выводу, что человек, ведущий такой размеренный образ жизни, человек, который не гулял по ночам, не путешествовал, не уезжал из дома даже на сутки, – такой человек вполне ему подходит.

Когда часы пробили половину двенадцатого, Паспарту на-

ходил в доме на Севил-роу совершенно один. Он тотчас же начал осмотр нового жилища и произвёл его с погреба до чердака. Ему понравился этот чистый, благоустроенный, строгий пуританский дом. Он произвёл на него впечатление красивой раковины, но раковины освещаемой и отапливаемой газом, так как газ удовлетворял здесь все потребности в отоплении и освещении. Паспарту без труда нашёл на третьем этаже комнату, предназначенную для него. Она ему понравилась. Электрические звонки и переговорные трубки соединяли её с комнатами первого и второго этажей. На камине стояли электрические часы, соединённые с часами в спальне Филеаса Фогга, и оба эти механизма одновременно отбивали одну и ту же секунду.

«Это мне подходит, это мне подходит», – повторял про себя Паспарту.

В своей комнате он нашёл листок бумаги, приколотый к стене над часами. Это было расписание его ежедневных обязанностей с восьми часов утра, когда регулярно вставал Филеас Фогг, до половины двенадцатого, когда он покидал дом, чтобы идти завтракать в Реформ-клуб: чай с гренками – в восемь часов двадцать три минуты, вода для бритья – в девять часов тридцать семь минут, причёска – в девять часов сорок минут и так далее. Потом с половины двенадцатого утра до полуночи – время, когда пунктуальный джентльмен всегда ложился спать, – всё было отмечено, предусмотрено, упорядочено. Паспарту радовался, перечитывая это распи-

сание и запоминая его отдельные пункты.

Что касается гардероба мистера Фогга, то он находился в прекрасном состоянии и был необычайно велик. Каждая пара брюк, сюртук или жилет имели свой порядковый номер, записанный в приходно-расходном реестре с указанием даты, когда сообразно с сезоном следовало носить эту одежду. Такой же образцовый порядок существовал и для обуви.

Словом, комфортабельная обстановка дома на Севил-роу свидетельствовала о полном благосостоянии. Здесь не было книг, которые были бы для мистера Фогга бесполезны, так как Реформ-клуб предоставлял в его распоряжение две библиотеки: одну – изящной словесности, другую – по вопросам права и политики. В спальне стоял небольшой несгораемый шкаф, который прекрасно защищал хранившиеся там ценности как от пожара, так и от воров. Что касается оружия, то в доме его не было – ни охотничьего, ни военного. Это указывало на вполне мирные наклонности его обитателя. Рассмотрев всё до мельчайших подробностей, Паспарту начал потирать руки и с прояснившейся физиономией весело повторял:

– Это мне подходит! Вот настоящее дело для меня! Мы с мистером Фоггом отлично сойдёмся! Это человек пунктуальный и домосед! Не человек, а машина! Отлично, я ничего не имею против того, чтобы служить машине!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, где начинается разговор, который может дорого стоить Филеасу Фоггу

Филеас Фогг покинул свой дом на Севил-роу в половине двенадцатого и, после того как поставил свою правую ногу впереди левой пятьсот семьдесят пять раз, а левую впереди правой пятьсот семьдесят шесть, достиг Реформ-клуба, величественного здания на Пэлл-Мэлл, сооружение которого стоило не меньше трёх миллионов фунтов.

Филеас Фогг сразу же направился в столовую; её девять окон выходили в прекрасный сад, листву которого уже позолотила осень. Там он занял за столом своё обычное место, где его уже дожидался прибор. Завтрак мистера Фогга состоял из закуски, отборной варёной рыбы с соусом, кровавого ростбифа с острой приправой, пирога, начинённого ревенём и крыжовником, и куска честерского сыра; всё это запивалось несколькими чашками великолепного чая, выписываемого для Реформ-клуба по специальному заказу.

В двенадцать часов сорок семь минут наш джентльмен встал и направился в большой салон, роскошно обставленный и украшенный картинами в дорогих рамах. Здесь слуга подал ему свежий номер «Таймс», который мистер Фогг разрезал с такой уверенностью, которая свидетельствовала о

большом навыке в этой трудной операции. Читанием этой газеты он занимался до трёх часов сорока пяти минут, а чтением заменившего её «Стандарта» – до самого обеда.

Без двадцати минут шесть джентльмен вернулся в салон и занялся чтением «Морнинг Хроникл».

Спустя полчаса начали появляться члены Реформ-клуба и подходить к камину, в котором пылал огонь. Это были обычные партнёры мистера Филеаса Фогга, как и он, заядлые игроки в вист: инженер Эндрю Стюарт, банкиры Джон Салливан и Самуэль Фаллентин, пивовар Томас Фленаген и один из администраторов Английского банка Готье Ральф – все люди богатые и пользующиеся почётом даже в этом клубе, насчитывавшем среди своих членов немало самых видных представителей промышленности и финансов.

– Ну, Ральф, – заговорил Томас Фленаген, – как обстоят дела с этой кражей?

– Видимо, банку придётся потерять свои деньги, – ответил Эндрю Стюарт.

– Я, наоборот, надеюсь, – возразил Готье Ральф, – что виновник кражи попадёт в наши руки. Очень опытные полицейские агенты командированы в главные порты Европы и Америки, и этому господину трудно будет ускользнуть от них.

– А приметы вора известны? – спросил Эндрю Стюарт.

– Это вовсе не вор, – серьёзно ответил Готье Ральф.

– Как! Человек, похитивший пятьдесят тысяч фунтов

стерлингов банковыми билетами, не вор?

– Нет, – подтвердил Готье Ральф.

– Что же он, промышленник? – спросил Джон Салливан.

– «Морнинг Хроникл» утверждает, что это джентльмен.

Слова эти произнёс не кто иной, как Филеас Фогг, голова которого поднялась над ворохом окружавших его газет. При этом мистер Фогг поклонился своим партнёрам, которые ответили ему тем же.

Происшествие, о котором шла речь и которое горячо обсуждалось всей прессой Соединённого Королевства, случилось за три дня до этого, а именно 29 сентября. Пачка банковых билетов на огромную сумму пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов была украдена со стола главного кассира Английского банка.

На вопросы лиц, удивлявшихся, что такая кража могла совершиться так просто, вице-директор Готье Ральф ограничивался ответом, что как раз в этот момент кассир был занят регистрацией получения трёх шиллингов шести пенсов и что вообще невозможно за всем уследить.

Когда факт кражи был установлен, в крупные портовые города – Ливерпуль, Глазго, Гавр, Суэц, Бриндизи, Нью-Йорк и так далее – были разосланы наиболее ловкие полицейские агенты, которым в случае успеха обещали премию в две тысячи фунтов и сверх того пять процентов от найденной суммы. В ожидании сведений, которые должно было дать начатое расследование, агентам вменено было в обязан-

ность тщательно наблюдать за всеми приезжающими и отъезжающими путешественниками.

Действительно, как и утверждал «Морнинг Хроникл», лицо, совершившее кражу, не принадлежало ни к одной из воровских шаек Англии. 29 сентября многие видели, как хорошо одетый джентльмен почтенного вида и с прекрасными манерами прогуливался в зале платежей, где была совершена кража. Следствию удалось довольно точно установить приметы этого господина, и эти приметы были тотчас же разосланы всем сыщикам Соединённого Королевства и континента.

Само собой разумеется, это событие было в центре внимания как в Лондоне, так и во всей Англии. Его обсуждали со всех сторон и вели страстные споры о возможности успеха агентов столичной полиции. Неудивительно, что члены Реформ-клуба также интересовались этим вопросом, тем более что в числе собеседников был вице-директор банка.

Достопочтенный Готье Ральф не сомневался в успешности поисков, полагая, что обещанная награда непременно подстегнёт усердие и сообразительность агентов. Но его партнёр Эндрю Стюарт отнюдь не разделял его уверенности.

– Я утверждаю, – сказал Эндрю Стюарт, – что все шансы на стороне вора, который, несомненно, очень ловкий человек.

– Оставьте, – возразил Ральф, – нет ни одной страны, где он мог бы скрыться.

– Не может быть!

– Куда же он, по-вашему, направится?

– Этого я не знаю, – отвечал Эндрю Стюарт, – но ведь Земля, в конце концов, достаточно велика.

– Она была когда-то достаточно велика, – заметил вполголоса Филеас Фогг, передавая карты Томасу Фленагену.

– Как это «когда-то»? – спросил Стюарт. – Разве Земля уменьшилась?

– Конечно, – ответил Готье Ральф, – я вполне согласен с господином Фоггом. Разумеется, Земля уменьшилась, раз теперь её можно объехать в десять раз быстрее, чем сто лет назад. И в данном случае именно это ускорит поиски.

– Но зато и облегчит бегство вору. Надо признать, мистер Ральф, что это очень странное утверждение, будто Земля уменьшилась только вследствие того, что можно совершить кругосветное путешествие за три месяца.

– За восемьдесят дней, – поправил Филеас Фогг.

– Действительно, господа, за восемьдесят дней, – подтвердил Джон Салливан, – после того как открыт участок Индийской железной дороги между Роталем и Аллахабадом, и вот вам расчёт, сделанный «Морнинг Хроникл»:

Из Лондона до Суэца через Мон-Сенис и Бриндизи поездом и пароходом – 7 дней

Из Суэца до Бомбея пароходом – 13 дней

Из Бомбея до Калькутты поездом – 3 дня

Из Калькутты до Гонконга в Китае

пароходом – 13 дней

Из Гонконга до Иокогамы в Японии на пароходе – 6 дней

Из Иокогамы до Сан-Франциско на пароходе – 22 дня

Из Сан-Франциско до Нью-Йорка поездом – 7 дней

Из Нью-Йорка до Лондона пароходом и поездом – 9 дней

Итого – 80 дней

– Да, восемьдесят дней! – воскликнул Эндрю Стюарт. – Но это если не принимать в расчёт задержек от встречных ветров, крушения пароходов и поездов и тому подобное.

– Всё принято во внимание, – возразил Филеас Фогг.

– Даже если индусы или индейцы разберут рельсы? – воскликнул Эндрю Стюарт. – А если они остановят поезд, ограбят вагоны, скальпируют пассажиров?!

– Принимая во внимание всё это, – повторил Филеас Фогг.

Эндрю Стюарт возразил:

– Теоретически вы, конечно, правы, мистер Фогг, но на

практике...

– На практике тоже, мистер Стюарт.

– Хотел бы я посмотреть, как вы сделаете это.

– Дело лишь за вами. Отправимся вместе.

– Боже меня упаси! – воскликнул Стюарт. – Но я охотно соглашусь держать пари на четыре тысячи фунтов стерлингов, что подобное путешествие при данных условиях невозможно.

– Напротив, вполне возможно, – возразил мистер Фогг.

– Отлично. В таком случае совершите его.

– Поездку вокруг света за восемьдесят дней?

– Да!

– С удовольствием.

– Когда?

– Сейчас. Только предупреждаю, что совершу эту поездку за ваш счёт.

– Отлично, мистер Фогг! – воскликнул Эндрю Стюарт, которого начало раздражать упрямство его партнёра. – Я ставлю четыре тысячи фунтов стерлингов!..

– Успокойтесь, дорогой Стюарт, – вмешался Фаллентин, – это ведь несерьёзно.

– Если я держу пари, – отвечал Эндрю Стюарт, – то это всегда серьёзно.

– Будь по-вашему! – сказал мистер Фогг. Потом, обращаясь к партнёрам, добавил: – У меня есть двадцать тысяч фунтов стерлингов в банке братьев Беринг. Я охотно риск-

ну ими...

– Двадцать тысяч фунтов! – воскликнул Джон Салливан. – Вы можете потерять двадцать тысяч фунтов из-за какой-нибудь неожиданной задержки!

– Неожиданностей не должно быть, – спокойно ответил Филеас Фогг.

– Однако, мистер Фогг, эти восемьдесят дней представляют собой не более чем минимум времени.

– Хорошо использованного минимума бывает достаточно для чего угодно.

– Но всё-таки для того, чтобы не выйти за пределы этого минимума, надо с математической точностью переходить из вагона на пароход и с парохода снова в вагон.

– Я и буду делать это с математической точностью.

– Вы шутите.

– Настоящий англичанин никогда не шутит, если дело касается такой серьёзной вещи, как пари, – ответил Филеас Фогг. – Я ставлю двадцать тысяч фунтов стерлингов против кого угодно, что объеду вокруг света в течение восьмидесяти дней, то есть в течение тысячи девятисот двадцати часов или ста пятнадцати тысяч двухсот минут. Вы согласны?

– Мы согласны! – сказали, переговорив между собой, Стюарт, Фаллентин, Салливан, Фленаген и Ральф.

– Хорошо, – сказал мистер Фогг. – Поезд на Дувр отходит в восемь часов сорок пять минут. Я поеду этим поездом.

– Сегодня вечером? – спросил Стюарт.

– Сегодня вечером, – ответил Филеас Фогг, а затем, взглянув на карманный календарь, добавил: – Сегодня среда, 2 октября. Итак, я должен вернуться в Лондон, в этот самый салон Реформ-клуба, в субботу, 21 декабря, в восемь часов сорок пять минут вечера, в противном случае двадцать тысяч фунтов стерлингов, лежащих в настоящее время на моём счёте у братьев Беринг, по праву будут принадлежать вам, господа. Вот чек на эту сумму.

Был составлен протокол пари и тотчас же подписан шестью заинтересованными лицами. Филеас Фогг оставался совершенно спокойным. Он заключил пари, разумеется, не для того, чтобы выиграть деньги, и поставил на карту двадцать тысяч фунтов, половину своего состояния, лишь потому, что предвидел, что ему, быть может, придётся истратить другую половину, чтобы довести до конца это трудное, если не сказать – невыполнимое, предприятие. Что же касается его противников, то они были, по-видимому, смущены, но не размером ставки, а потому, что сомневались, порядочно ли заключать пари на подобных условиях.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, в которой Филеас Фогг удивляет своего слугу Паспарту

В семь часов двадцать пять минут Филеас Фогг простился со своими почтенными партнёрами и покинул Реформ-клуб. В семь часов пятьдесят минут он открыл двери своего дома и вошёл в него.

Паспарту, добросовестно изучивший расписание, был удивлён при виде мистера Фогга, проявившего такую неаккуратность и явившегося в столь неурочное время.

Согласно расписанию, обитатель дома на Севил-роу должен был возвращаться ровно в полночь.

Филеас Фогг сразу прошёл в свою комнату и оттуда позвал:

– Паспарту!

Паспарту не ответил. Зов этот не мог относиться к нему, так как было не его время.

– Паспарту! – повторил мистер Фогг, не повышая голоса.

Появился Паспарту.

– Я зову вас уже второй раз, – заметил мистер Фогг.

– Но ведь ещё не полночь, – возразил Паспарту, держа часы в руках.

– Я это знаю, – продолжал Филеас Фогг, – и не делаю вам

замечания. Через десять минут мы отправимся в Дувр и Кале.

На круглой физиономии француза появилось подобие гримасы. Он подумал, что ослышался.

– Вы меняете место жительства? – спросил он.

– Да, – ответил Филеас Фогг, – мы отправляемся в кругосветное путешествие.

Паспарту весь обмяк, вытаращил глаза, поднял брови и развёл руками, приняв вид человека, остолбеневшего от изумления.

– Кругосветное путешествие, – пробормотал он.

– За восемьдесят дней, – пояснил мистер Фогг. – А теперь нам нельзя терять ни минуты.

– А чемоданы? – спросил Паспарту, растерянно качая головой.

– Никаких чемоданов. Только саквояж, в него положите пару шерстяных рубашек и три пары носков. То же самое для себя. Остальное мы купим по дороге. Не забудьте мой макинтош и плед. Наденьте прочную обувь. Впрочем, ходить пешком нам придётся мало или совсем не придётся. Ступайте.

Паспарту хотел ответить, но не мог. Он покинул комнату мистера Фогга, поднялся к себе, упал на стул и произнёс довольно вульгарную фразу на родном языке.

– Здорово!.. Вот тебе и спокойствие, которого я так хотел!..

Затем он машинально занялся приготовлениями к отъезду. Кругосветное путешествие за восемьдесят дней! Может быть, он имеет дело с сумасшедшим? Нет... Или это шутка? Отправляются в Дувр – хорошо. В Кале – пускай. В конце концов, это не могло особенно огорчить доброго малого, который вот уже пять лет не ступал на родную землю. Может быть, они доберутся и до Парижа, и он с удовольствием снова взглянет на старую столицу. Столь экономный в своих действиях джентльмен, вероятно, там остановится... Несомненно, остановится, но всё же факт оставался фактом: джентльмен, бывший до сих пор таким домоседом, теперь менял место жительства!

К восьми часам Паспарту приготовил скромный саквояж с дорожными вещами и его, и его господина. Всё ещё расстроенный, он покинул свою комнату, тщательно запер дверь и присоединился к мистеру Фоггу.

Мистер Фогг был готов. В руках он держал универсальный справочник, который должен был давать ему в пути все необходимые сведения. Он взял саквояж из рук Паспарту, открыл его и положил туда толстую пачку новеньких банковых билетов, принятых к обращению во всех странах.

– Вы ничего не забыли? – спросил он.

– Ничего.

– Мой макинтош и плед?

– Здесь.

– Отлично. Возьмите саквояж.

Мистер Фогг передал саквояж Паспарту.

– Берегите его, – прибавил он. – Там двадцать тысяч фун-

тов стерлингов наличными.

Саквояж чуть было не выскользнул из рук Паспарту, словно в нём лежали двадцать тысяч фунтов золотом, имевшим большой вес.

Господин и слуга вышли на улицу, и входная дверь была заперта на два поворота ключа.

Станция железной дороги находилась вблизи Севил-роу. Филеас Фогг и его лакей сели в кеб, который быстро повёз их на станцию Черинг-Кросс, к которой подходит одна из веток Юго-Восточной железной дороги.

В двадцать минут девятого кеб остановился у входа в вокзал. Паспарту соскочил на землю. Его господин последовал за ним и расплатился с кучером.

В этот момент к нему приблизилась нищенка с ребёнком, босая, в потрёпанной шляпке, с которой свешивалось жалкое перо, в рваной шали, и попросила милостыню.

Мистер Фогг вынул из кошелька двадцать гиней, которые недавно выиграл в вист, и, отдавая их нищей, сказал:

– Возьмите, милая женщина. Я доволен, что встретил вас.

И пошёл дальше.

Паспарту почувствовал, что глаза его увлажнились. Хозяин завладел его сердцем.

Мистер Фогг и его слуга быстро вошли в большой зал вокзала. Тут Филеас Фогг поручил Паспарту взять два билета первого класса до Парижа. Затем, оглядевшись, он заметил своих пятерых партнёров по Реформ-клубу.

– Господа, – сказал он. – Я еду, и визы в паспорте, который я с этой целью имею при себе, дадут вам возможность по возвращении проверить мой маршрут.

– О! Мистер Фогг, – запротестовал Готье Ральф, – это излишне. Мы вполне доверяем вашему слову джентльмена.

– Так будет лучше, – ответил мистер Фогг.

– Не забудьте, что вы должны вернуться... – напомнил ему Эндрю Стюарт.

– Через восемьдесят дней, – перебил его мистер Фогг, – в субботу, 21 декабря 1872 года, в восемь часов сорок пять минут вечера. До свидания, господа!

В восемь часов сорок минут Филеас Фогг и его лакей заняли места в одном и том же купе. В восемь сорок пять раздался свисток, и поезд тронулся.

Ночь была тёмная, моросил мелкий дождь. Филеас Фогг, откинувшись на спинку дивана, молчал. Всё ещё не пришедший в себя Паспарту машинально прижимал к себе саквояж с банковыми билетами.

Но не успел поезд миновать Сайденхем, как Паспарту испустил страшный крик.

– Что с вами? – спросил мистер Фогг.

– Со мной то... что... второпях... в волнении... я забыл...

– Что?

– Потушить газ в своей комнате!

– Недурно, – невозмутимо ответил мистер Фогг, – в таком случае он будет гореть за ваш счёт!

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой на Лондонской бирже появляется новая ценность

Уезжая из Лондона, Филеас Фогг и не подозревал, какой шум вызовет его отъезд. Весть о пари тотчас распространилась в Реформ-клубе и вызвала настоящую сенсацию. Из клуба сенсация эта перешла, благодаря репортёрам, в газеты и журналы, а оттуда к лондонской и вообще ко всей английской публике.

Вопрос о кругосветном путешествии комментировался, обсуждался и разбирался с горячностью и страстью. Одни принимали сторону Филеаса Фогга, другие, и таких было подавляющее большинство, высказывались против него. Совершить кругосветное путешествие не в теории и не на бумаге, а в действительности, в установленный минимальный срок, пользуясь обычными средствами передвижения, – это было не только невозможно, но и просто немислимо!

«Таймс», «Стандарт», «Ивнинг Стар», «Морнинг Хроникл» и ещё десятка два других органов печати высказались против мистера Фогга. Один только «Дейли Телеграф» поддерживал его до известной степени. Вообще Филеаса Фогга называли маньяком, сумасшедшим, а его товарищей по клубу обвиняли в том, что они поддерживали пари, свидетельство-

вавшее об ослаблении умственных способностей его инициатора.

7 октября в «Известиях Королевского географического общества» появилась длинная статья, рассматривавшая вопрос со всех точек зрения и ясно показывавшая всё безумие этого предприятия. Согласно этой статье, всё было против путешественника – и люди, и природа. Для достижения успеха следовало допустить сверхъестественное совпадение часов отъезда и прибытия, соответствие, которого не существовало, да и не могло существовать. В Европе, где имеешь дело с расстояниями не очень большими, ещё можно рассчитывать на своевременное прибытие и отправление поездов, но когда нужно пересечь Индию за три дня, а Соединённые Штаты – за семь, то можно ли строить успех дела на точности расписания? А поломки машин, крушения, столкновения, плохая погода, снежные заносы – разве всё это не окажется против Филеаса Фогга? Разве не случается пакетботам оказаться зимой во власти штормов и туманов? Разве так уж редки случаи, когда самые быстроходные трансокеанские суда опаздывали на два-три дня? А ведь достаточно только одного опоздания, чтобы последовательный порядок передвижения был непоправимо нарушен. Если Филеас Фогг опоздает хотя бы всего на час к отходу пакетбота, ему придётся ждать следующего, и его дальнейшее путешествие будет бесповоротно испорчено.

В течение первых дней, последовавших за отъездом

джентльмена, на почве его рискованного предприятия заключались крупные пари. Пари в крови у англичан.

Поэтому не только члены Реформ-клуба начали держать пари «за» и «против» Филеаса Фогга, но и широкая масса публики была захвачена этим движением. Филеас Фогг, словно скаковая лошадь, был занесён в некий список чистокровных рысаков. Он стал ценностью, котирующейся на Лондонской бирже. «Филеаса Фогга» покупали и продавали, и сделки с ним принимали крупные размеры. Но спустя пять дней после его отъезда, когда появилась статья в «Известиях Королевского географического общества», «Филеас Фогг» стал падать.

У него остался только один сторонник. Это был старый лорд Олбермейл. Почтенный джентльмен, прикованный параличом к креслу, отдал бы всё своё состояние за возможность совершить кругосветное путешествие хотя бы за десять лет! Он поставил на «Филеаса Фогга» четыре тысячи фунтов стерлингов. И когда ему указывали на всё безумие предприятия и его бесполезность, он обычно отвечал: «Если путешествие выполнимо, то будет хорошо, если впервые его совершит именно англичанин!»

Ряды сторонников Филеаса Фогга редели всё больше и больше. Решительно всё, и не без основания, складывалось против него. Теперь ставки против Фогга принимали не иначе как по сто пятьдесят или двести против одного, но на седьмой день после его отъезда произошло совершенно нежиз-

данное событие, благодаря которому ставить за него совсем перестали.

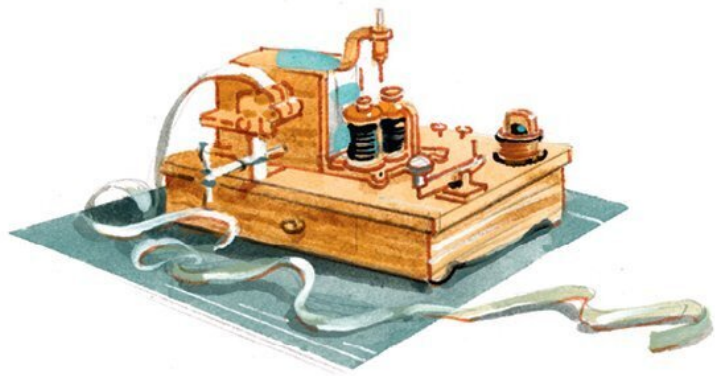
Действительно, в девять часов вечера в этот день директор лондонской полиции получил по телеграфу депешу следующего содержания:

«ИЗ СУЭЦА В ЛОНДОН.

РОУЭНУ, ДИРЕКТОРУ ПОЛИЦИИ, ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ, СКОТЛЕНД-ЯРД.

ПРЕСЛЕДУЮ БАНКОВСКОГО ВОРА ФИЛЕАСА ФОГГА. НЕМЕДЛЕННО ВЫШЛИТЕ ОРДЕР НА ЕГО АРЕСТ В БОМБЕЙ (БРИТАНСКАЯ ИНДИЯ). АГЕНТ ФИКС»

Эта телеграмма произвела необычайный эффект. Почтенный джентльмен уступил место вору, укравшему банковские билеты. Была изучена его фотография, выставленная в Реформ-клубе вместе с фотографиями всех его коллег. Она точь-в-точь воспроизводила внешность человека, приметы которого удалось установить путём расследования. Припомнили таинственную, уединённую жизнь Филеаса Фогга, его внезапный отъезд, и всем стало очевидно, что этот человек своим кругосветным путешествием, основанным на сумасбродном пари, хотел лишь сбить со своего следа агентов английской полиции.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой агент Фикс проявляет вполне законное нетерпение

Вот при каких обстоятельствах была отправлена депеша, касающаяся Филеаса Фогга.

В среду, 9 октября, в одиннадцать часов утра в Суэце ожидался пакетбот «Монголия» Восточной и Полуостровной компании – железный винтовой пароход со спардеком⁵, водоизмещением в две тысячи восемьсот тонн, мощностью пятьсот номинальных лошадиных сил. «Монголия» совершала регулярные рейсы между Бриндизи и Бомбеем через Суэцкий канал. Это был самый быстроходный пароход компании, и скорость его всегда превосходила нормальную, равную десяти милям в час между Бриндизи и Суэцем и девяти милям пятидесяти трём сотым между Суэцем и Бомбеем.

В ожидании прибытия «Монголии» по набережной прогуливались два человека. Они расхаживали в толпе местных жителей и иностранцев, наводнивших этот, бывший ещё недавно деревушкой, город, которому грандиозное сооружение Лессепса⁶ обеспечило большое будущее.

⁵ Спардék – верхняя лёгкая палуба парохода, предназначенная для грузов.

⁶ ...грандиозное сооружение Лессепса – имеется в виду Суэцкий канал, руководителем строительства которого был Фердинанд де Лессéпс (1805–1894).

Один из этих людей был консулом Соединённого Королевства в Суэце, который, вопреки мрачным предсказаниям британского правительства и инженера Стефенсона, каждый день видел британские корабли, проходящие через канал, почти вдвое сокративший прежний путь из Англии в Индию вокруг мыса Доброй Надежды.

Другой был худощавый человек небольшого роста, с довольно интеллигентным лицом. Нервничая, он сурово хмурил брови. Сквозь его длинные ресницы блестели живые глаза, которым он, однако, умел придавать безразличное выражение. В этот момент он проявлял явное нетерпение и, не в состоянии стоять на месте, прохаживался взад и вперёд по набережной.

Человека этого звали Фикс, это был один из сыщиков или агентов английской полиции, которых после совершённой в Английском банке кражи разослали в различные портовые города. Этот Фикс должен был тщательно наблюдать за все-

ми путешественниками, путь которых лежал через Суэц, и если бы кто-то из них вызвал его подозрение, то следить за ним в ожидании ордера на арест.

Как раз за два дня до этого Фикс получил от директора полиции приметы предполагаемого вора. Это были приметы именно того приличного господина, которого видели в залах банка в день кражи.

Соблазнённый крупной наградой, обещанной в случае успеха, сыщик с понятным нетерпением ожидал прибытия «Монголии».

– И вы говорите, господин консул, – задал он в десятый раз один и тот же вопрос, – что этот пароход никогда не опаздывает?

– Нет, господин Фикс, – отвечал консул. – Вчера он был в Порт-Саиде, а сто шестьдесят километров канала – ничто для такого пакетбота. Повторяю вам, что «Монголия» всегда получала премию в двадцать пять фунтов стерлингов, которая выдаётся правительством каждому судну, которое приходит на двадцать четыре часа раньше назначенного времени.

– Этот пакетбот идёт прямо из Бриндизи? – спросил Фикс.

– Да, из Бриндизи, где он взял почту для Индии и откуда вышел в субботу в пять часов вечера. Так что имейте терпение, он не может опоздать. Но я, право, не могу понять, как вы сможете на основании полученных примет узнать человека, которого ищете, если он находится на борту «Монголии».

– Этих людей, господин консул, скорее чувствуешь, чем узнаёшь, – отвечал Фикс. – Надо лишь обладать чутьём, которое является как бы специальным чувством, а слух, зрение и обоняние помогают ему. Я в своей жизни арестовал уже не одного такого джентльмена, и если только наш вор на борту судна, то обещаю вам, что он не уйдёт из моих рук.

– Желаю вам успеха, господин Фикс, так как дело идёт о крупной краже.

– Великолепная кража! – воскликнул агент с энтузиазмом. – Пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов! Такие дела нечасто встречаются! Мельчать стали воры! Теперь люди доводят себя до петли ради нескольких шиллингов.

– Вы так увлекательно говорите, господин Фикс, – сказал консул, – что я от души желаю вам успеха, но, повторяю, в созданных условиях это будет, пожалуй, слишком затруднительно. Вам ведь известно, что, согласно полученным вами приметам, вор имеет вид порядочного человека.

– Господин консул, – наставительно возразил Фикс, – крупные воры всегда имеют вид порядочных людей. Поймите, что людям с наружностью жуликов не остаётся ничего другого, как быть честными, иначе они тотчас же рискуют попасться. Честные физиономии – вот за кем в первую очередь надо следить. Трудное это дело, надо признаться, и его можно назвать скорее искусством, чем ремеслом.

Как видно, Фикс не был лишён известной доли самомнения.

Между тем набережная мало-помалу оживала. Отовсюду стали собираться моряки разных национальностей, коммерсанты, маклеры, носильщики, феллахи⁷. Очевидно, время прибытия пакетбота приближалось.

Погода была довольно хорошая, но холодная из-за восточного ветра. Несколько минаретов вырисовывались над городом на фоне неба под бледными лучами солнца. На рейде Суэца, подобно руке, простиралась к югу дамба длиной две тысячи метров. По поверхности Красного моря скользило множество рыбачьих и каботажных судов, некоторые из них до сих пор сохраняли изящные очертания античных галер.

⁷ Фелла́х – крестьянин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.